

УДК 303.4:323.285:28

Методология исторической антропологии в исследовании исламского радикализма (на примере «Исламского движения Узбекистана»¹)

Т. В. Излученко

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Аннотация. Обосновывается применение методов исторической антропологии для оптимизации мер противодействия исламским радикальным объединениям. Обозначена методологическая особенность направлений исторической антропологии – наличие различных методов изучения человека и проявлений его деятельности, что позволяет сконструировать методологический подход в зависимости от специфики предмета и целей исследования исламского радикализма. История повседневности (Н. Л. Пушкарева, М. Дингенс) и микроистория (Е. В. Банникова, Д. В. Куликов) позволяют реконструировать жизнедеятельность, делая акцент на быте и мотивах рядовых участников. История ментальностей (А. Я. Гуревич, Ж. Дюби) способствует пониманию взаимовлияния этических и аксиологических установок сообщества и субъективных позиций отдельного участника. Приведенная в работе модель функционирования террористической организации «Исламское движение Узбекистана» представлена в качестве апробации построения методологического подхода на основе методов исторической антропологии.

Ключевые слова: ислам, радикализм, историческая антропология, новая культурная повседневность, «Исламское движение Узбекистана».

Современный глобализованный мир характеризуется наличием специфических феноменов в различных сферах человеческой деятельности. Религиозные представления при взаимообусловленности с политическими и экономическими факторами приобретают противоречивые формы в социальной действительности. Возникнув при определенных социально-политических и географических условиях, религиозные взгляды видоизменяются и получают отличные от традиционных положений толкования и практику реализации.

Исламский радикализм и его частные проявления представляют собой неоднородные явления в социальной действительности, обусловленные многочисленными как политическими, так и экономическими факторами и обоснованные религиозными положениями. Противодействие исламскому экстремизму и терроризму как формам радикализма включает не только меры пресечения деятельности, но и меры предупреждения. В основу мер профилактики

¹ 4 февраля 2003 г. Верховный Суд РФ признал организацию террористической и запретил её деятельность на территории России (Организации, признанные террористическими на основании решений Верховного Суда Российской Федерации // Офиц. сайт Антитеррорист. центра СНГ).

должны быть положены данные исследований, проведенных с применением соответствующей методологии, для достижения поставленных целей. На наш взгляд, использование методов исторической антропологии позволит сформировать представление о повседневной деятельности исламских радикалов, что будет способствовать пониманию обстоятельств и мотивов противоправных действий с последующей разработкой наиболее эффективных мер противодействия.

В настоящее время имеются исследования, посвященные выявлению факторов возникновения и развития исламского радикализма (А. Цуркан [21], И. Добаев [6], К. Юсофф [23]), его специфики в идеологическом и религиозном аспектах (Р. Ланда [12], Е. Матвиенко [13], Л. Лебл [22]). Разработки методологических подходов к изучению данного явления представлены немногочисленными работами (С. Суций [19]), в которых предлагается применение общенаучных методов для выявления общих закономерностей организационной деятельности. Подходы исторической антропологии (Н. Дэвис [7], П. Бёрк [2], М. Дингес [5]) позволяют получить данные о жизнедеятельности отдельных носителей исламского радикализма и определить субъективное отношение к противоправным действиям.

Целью нашей работы является разработка методологии исследования исламского радикализма с включением методов исторической антропологии, которые позволят установить внутренние механизмы деятельности. Данная цель может быть достигнута посредством выявления особенностей исламского радикализма, определения методов исторической антропологии и создания методологии исследования, апробированной, в частности, в процессе изучения деятельности террористической организации «Исламское движение Узбекистана» (далее – ИДУ) [17]. Историческая антропология стремится объяснить происходящие процессы человеческого бытия через призму повседневности, бытовых характеристик деятельности. Автором предпринята попытка интерпретации мотивов и поиска ключевых моментов деятельности исламских радикалов, а также прогнозирования определенных действий через анализ их повседневности, смещения акцента в исследованиях исламского радикализма с анализа проявлений как противоправных действий и отношения к ним со стороны общества (оценка внешних проявлений) на анализ специфики коммуникации и организации деятельности самих носителей идей исламского радикализма (оценка внутреннего состояния).

Особенности исламского радикализма. Социальные явления, имеющие в основе религиозные положения, становятся актуальными для современного общества. При использовании крайних мер, в том числе и насильственных, религиозная идеология выступает обоснованием данных действий, руководством осуществления их в качестве «священных», поддерживаемых «высшими силами». Как правило, в этих случаях имеют место политические цели, стремления изменить существующее государственное устройство, провести коренные преобразования без каких-либо компромиссных вариантов. Радикальные меры позиционируются как единственно возможные для достижения провозглашенных результатов.

Идеи исламского радикализма представляют наибольшую угрозу национальной безопасности многих государств, в том числе и России, по причинам глобального распространения (международный характер), использования

насильственных мер (терроризм), нетерпимости к иным мировоззренческим позициям и попыткам реализации нового государственного устройства, создания исламских теократических государств. Идеи исламского радикализма, проявляясь на протяжении всей истории ислама и являясь обусловленными историческими, культурными и экономическими проблемами, в условиях глобализационных изменений и мировых реалий получили широкое распространение не только среди населения, традиционно исповедующего ислам, но и среди носителей христианской культуры. Исламский радикализм именуется исламизмом и является частным случаем политического ислама. Наиболее опасными с позиции безопасности являются крайние проявления исламского радикализма – террористические организации, идеология которых основывается на радикальных толкованиях положений религии ислам.

И. П. Добаев обосновывает позицию о взаимообусловленности исламского радикализма и роста террористической активности в мире усилением роли политических сил в жизни исламского общества. Произошедшие политические изменения – события «арабской весны» (2010–2011) привели к возникновению политического ислама, который в условиях отсутствия сильных властных структур в ряде государств выдвинул свои идеи по социально-экономическому устройству. Распространение исламского радикализма «растекание джихада» в России обусловлено процессами «разобщенности традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны» [6, с. 378–408].

Р. Г. Ланда также, обозначая существование в истории феномена исламского радикализма, указывает, что стремление к самосохранению и защите мусульманского сообщества в XX в. от западной экспансии и реализация социально-мобилизационного потенциала привели к возникновению политического ислама как механизма. При этом причинами усиления исламского радикализма исследователь называет не столько отдельных личностей, сколько совокупность экономических, политических, социальных и духовных факторов. Ислам в деятельности исламских радикалов становится оружием политической борьбы, одновременно концентрирующим в себе «... мировоззрение и миропонимание... национальную и этноконфессиональную идентичность, народную связь... верность духовным традициям и символ антизападного патриотизма...» [12, с. 378–408].

А. А. Кузнецов, исследуя салафитские фундаменталистские течения, патрионируемые политическими элитами и дистанцирующиеся от государства (антисистемные), рассматривая транснациональный характер радикальных исламских объединений, указывает на «новую суннитскую идентичность» как феномен социальной реальности, который находится в основе идеологий исламских радикальных организаций и характерной чертой которого является разрыв с прежними фундаментальными основами традиционного суннитского мировоззрения [11, с. 10]. Причинами формирования «новой суннитской идентичности» он называет незаконченную модернизацию, вызвавшую социальное расслоение, и внешнеполитическое вмешательство во внутривнутриполитическое положение стран Ближнего и Среднего Востока.

На наш взгляд, положения религии ислам используют в крайних трактовках с целью обоснования политических задач религиозных объединений, внося

интерпретации нетерпимости и насильственных действий. Исламский радикализм имеет широкое распространение и оказывает влияние на социально-политические процессы в мире, становясь тем самым феноменом социальной действительности. Е. А. Матвиенко были обозначены особенности, которые указывают на глобальную угрозу со стороны исламского радикализма: безусловное превосходство ислама, единство религии и политики, идеализация теократического устройства государства, фатализация, борьба с врагами и понимание «джихада» в специфической трактовке [13, с. 179–182].

Для наиболее эффективного противодействия данному феномену необходимо получить объективную информацию об особенностях деятельности, факторах развития, о структурах и функционировании политических объединений, в основе идеологии которых находятся радикальные идеи. Методология, разработанная исторической антропологией, позволяет дать объяснение тех или иных процессов с позиции участвующих в них субъектов.

Методология исторической антропологии. Историческая антропология является областью современного исторического знания, исследующей человека в конкретных формах его существования, в определенное время, определенном месте и в его взаимосвязи с окружающими его людьми. В стремлении объяснить происходящие социальные процессы исследователи делают акцент на рассмотрении жизни человека, уникальности единичного опыта, моментах личностного выбора и индивидуальном понимании действительности, которая имеет субъективную значимость в качестве объективной реальности. Историческая антропология по причине смежности предмета исследования использует методологические принципы и подходы не только исторической науки, но и различных социально-гуманитарных наук. Ю. В. Карлсон, отмечая многоаспектность повседневности и необходимость последующего социально-философского анализа, предлагает сочетание методов «культурологических, исторических и этнологических исследований, в том числе исследования вещественного повседневного мира – быта» [8, с. 37–44], что позволяет сконструировать методологию в соответствии со специфическим предметом для достижения поставленной цели исследования.

Н. Л. Пушкарева, определяя историю повседневности как «новую отрасль исторического знания, характеризует ее повторяющимся, «нормальным» и привычным, конструирующим стилем и образом жизни, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения» [15, с. 3]. Повседневность выступает как повторяющиеся действия с определенным эмоциональным фоном.

Е. В. Банникова, указывая на интеграцию исследований философского, культурологического, социологического, исторического характера, посвященных повседневной жизни, для изучения бытового поведения, основанного на определенных нормах и ценностях, выделяет феномены повседневного существования, такие как среда обитания (природное или естественное), коммуникации и поведение (социальное) и ценностные представления и установки (ментальное). Важным для исследования является характер взаимодействия окружающей среды, характер коммуникации и мышления. Также исследователь выделяет понятия «стиль поведения» как присвоение и дальнейшее ис-

пользование человеком социальных норм и условий при попытке их трансформации под индивидуальные потребности и «стиль жизни» как совокупность быта (каждодневное поведение, постоянная форма использования вещей), самоидентификации (отождествление с определенным сообществом) и ментальных установок (привычки, представления о мире в рамках коллективных представлений определенной социально-культурной общности) [1].

Д. В. Куликов связывает исследовательский интерес к повседневности с современными философско-культурными особенностями, постмодернистскими взглядами, главенством потребления и бытием здесь и сейчас. Тем самым повседневность рассматривается как граница соприкосновения реальности и виртуального мира – мира, существующего в представлениях субъекта: «обыденность входит в фокус социально-гуманитарного дискурса как единственная не девальвированная «настоящая» реальность, и ее исследование становится актуальным» [10, с. 112–114]. Исследование деятельности людей осуществляется через изучение проявлений субъективной реальности в мире объективном, фиксируемом другими людьми.

М. Дингес предлагает определение повседневности через понятие «культура». Культура – это многообразные формы, посредством которых люди, группы и общества выражают свои потребности, переведенные на определенный «культурный язык» (язык и символы). Она создается всеми членами общества, является результатом индивидуальных противоречивых решений и взаимосвязана со «стилем жизни» – моделью поведения в определенных обстоятельствах, сложившейся на основе экономического и социального положения, субъективных предпочтений самих людей. В результате данного положения субъекта в обществе проявляется структурообразующий эффект поведения на основе индивидуальных взглядов и влияния социальных структур, так называемый стиль поведения. Стиль поведения влияет на распределение ресурсов внутри общества и проявляется в нормативном закреплении социальных ролей, в доступе к образованию, экономическом воспроизводстве и политическом урегулировании.

М. Дингес предлагает выделять следующие методологические принципы «культурной истории повседневности»: объяснение общественных процессов посредством действий отдельных субъектов, учета непредвиденных последствий определенных действий и необъяснимости различных результатов одних и тех же действий разных людей, а также учета происходящих изменений в обществе. В основе методологического подхода находятся положения об индивидуальности и вариативности способов поведения, которые являются произвольными, что ведет к изучению стилей поведения, выявлению связей между социальной структурой и поведением, а также изучению «стилей жизни», обозначению вкладываемого в свои поступки смысла индивидами. «Теория стилей жизни и поведения позволяет эмпирически применить... свободно принимаемые и структурно обусловленные решения» [5, с. 106], что дает возможность варьирования методологий исследования в рамках исторической антропологии.

С определенной долей допущения в рамках нашего исследования считаем возможным использование методологии «культурной истории повседневности» как некоего синтетического направления исторической антропологии, со-

четающего принципы «микроистории», «истории повседневности» и библиографического метода. Подходы к повседневности, применяемые в проблематике исламского радикализма, позволяют рассмотреть деятельность исламских радикалов как: 1) повседневные регулярно повторяющиеся действия, 2) сочетание окружающей среды, системы коммуникации и сознания участников, 3) проявления сконструированной объективной действительности, 4) стиль поведения и стиль жизни, сформированные при взаимодействии участников и специфической культуры исламского радикального объединения. Таким образом, исламский радикализм, будучи сложным и противоречивым явлением, становится доступным для исследования с целью выявления специфики деятельности.

Исследование исламского радикализма методами исторической антропологии заключается в реконструкции деятельности участников исламских радикальных объединений как повседневной практики, составляющей их существование, в определении степени включенности в совместную деятельность отдельных участников, их мотивов и отношений с другими участниками. Реконструкция повседневности есть попытка истолкования бытового поведения исламских радикалов, исходя из особенностей деятельности и идеологии объединения. Материалами для проведения исследования могут быть: 1) опосредованные данные, интерпретации идеологических положений объединения, выраженные в форме выступлений (аудио-, видео), опубликованных материалах; 2) непосредственные данные, содержащиеся в личных записях, выступлениях, беседах, интервью, характеризующие роль и место самого человека в объединении. В случае противоправной деятельности важными источниками становятся материалы уголовных дел, содержащие протоколы допросов, опросов участников и свидетелей, данные оперативно-разыскной деятельности (оперативно-разыскное мероприятие «наблюдение»). Существенным для определения социальных возможностей является установление личных контактов, выявление способов коммуникации участников внутри объединения и вне его.

Использование методологии исторической антропологии, рассмотрение деятельности исламских радикалов через призму повседневности, выявление мотивов и обстоятельств, которыми определен субъективный выбор стилей поведения и жизни людей, позволяют сформировать представление о том, какой они видят социальную действительность, каковы причины участия в экстремистских (террористических) организациях и каковы социально-политические отношения внутри данных объединений. Также становится возможным представить противозаконную деятельность как историю жизни действующих людей с определенными этическими и аксиологическими принципами. Участие в исламских радикальных объединениях становится своеобразным стилем жизни, содержащим определенную модель поведения. Индивидуальные решения трактуются как проявления сложившейся устойчивой модели сообщества.

Применение методов исторической антропологии в исследовании исламского радикализма. Историческая антропология как область современного научного знания объединяет различные науки, изучающие человека и конкретные проявления его деятельности. Будучи неоднородной в методологическом аспекте историческая антропология позволяет сконструировать методологию в соответствии с предметом и целью исследования, включить некоторые

аспекты различных подходов, что дает возможность создать новый исследовательский инструмент применительно к социальной действительности, к лицам, которые в настоящее время являются активными. Это способствует выявлению тенденций в действиях участников, в принятии ими решений в рамках деятельности объединения.

Микроисторический подход акцентирует внимание на исследовании жизнедеятельности лиц, не являющихся общественными и политическими деятелями, способных влиять на социальную реальность, так называемых незамеченных людей. Как отмечает Дж. Леви, «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [9, с. 235]. Задача подхода заключается в воссоздании повседневной жизни людей, определении взаимосвязей индивидуального и общественного, влияния внешних условий на принятие решений. Детализация повседневности, поиск подробностей жизни в контексте социального взаимодействия предмета исследования выступают основными принципами работы. В принципах исследования повседневности отдельных людей микроисторический подход близок к методам истории повседневности, так как оба подхода исследуют частную жизнь в контексте социальных связей, реконструируют поведенческие нормы.

Е. В. Банникова анализирует подходы к изучению повседневности в рамках микроистории как индивидуальной интерпретации времени и пространства, действия на основе обстоятельств конкретной ситуации, материальных ресурсов, сознательных и культурных возможностей (Л. Ю. Бессмертный), а также в рамках исследования ментальности как действий на основе индивидуальных представлений и эмоций, иррациональности (А. Я. Гуревич). Автор обозначает несколько основных аспектов повседневной жизни: 1) субъект (человек); 2) объекты (социальные институты); 3) пространственная локализация (места проживания и деятельности); 4) длительность (период) исследования; 5) условия проживания; 6) образ жизни; 7) форма организации жизни; 8) цель деятельности (субъективные представления, личные мотивы); 9) результат (целостное представление о субъекте). Также необходимо учитывать интенсивность (степень активности), эффективность (соотношение затрачиваемых субъектом ресурсов с получаемым результатом) и регуляторы (правовые и этические нормы) [1]. Данные аспекты можно использовать для воссоздания целостного образа субъекта, участника исламского радикального объединения, что позволит описать человека в определенных времени и пространстве.

Подход «истории ментальностей» акцентирует внимание на внутренней составляющей исследуемых субъектов, которая формируется под действием конкретной культурной среды и субъективных представлений; на индивидуальной ментальности как субъективной установке и на коллективной ментальности как «народной культуре», культуре определенного сообщества.

А. Я. Гуревич дает определение ментальности как совокупности социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социокультурной общности. Ментальность является диффузной и «разлита в культуре и в обыденном сознании» [4, с. 75]. В духовных ценностях общества, в поведении людей, знаковых системах культуры проявляются не осозна-

ваемые субъектами элементы ментальности. При этом у участников одного и того же объединения ментальные установки различны, но имеют общие духовные основания. В случае исламских радикалов общие идеологические установки обоснованы религиозными положениями.

Ж. Дюби, обозначая влияние принятых норм, образцов и ценностей в определенном обществе на процесс формирования поведения человека, определяет основную роль коллективной ментальности как способа ретрансляции и усвоения новых норм. Рассматривая повседневность как процесс жизни участников сообщества, объединенных общей ментальностью, Ж. Дюби выделяет критерий исследования – продолжительность внутренних процессов. Первый тип – быстротечные, имеющие поверхностный характер и сильную эмоциональную окраску и влияющие на определенных участников (настроение от хутбы), второй – средние, представляющие постепенные трансформации определенного сообщества, вызванные изменением внешних условий (изменение формы пропаганды после запрета деятельности), третий тип – долгие, основополагающие процессы, обоснованные аксиологическими, этическими и идеологическими положениями (изменения статуса внутри сообщества) и четвертый тип – обусловленные биологическими свойствами человека [21, с. 65].

Методологические подходы исторической антропологии при изучении современного исламского радикализма позволяют сформировать представление о действиях исламских радикалов, в том числе и противоправных, в контексте повседневности, провести анализ личных мотивов и причин, связанных с условиями жизни и коллективными ментальными представлениями, выявить периодичность определенных действий, их значение для жизни отдельных лиц и деятельности объединения. Исламские радикалы представляются как самостоятельные лица, имеющие сформированное мировоззрение и свободные в принятии решений. Однако основывают они свои действия на принятых в объединении нормах и ценностях и обладают ментальными установками, сконструированными в процессе взаимодействия с другими участниками объединения, с коллективной ментальностью.

Деятельность «Исламского движения Узбекистана»: новая культурная история повседневности. Исламское радикальное объединение «Исламское движение Узбекистана», основанное Тахиром Юлдашевым (1968–2009) в 1996 г. с целью создания исламского теократического государства (халифата) на территориях традиционного проживания мусульман – Центральной и Средней Азии (Ферганская долина). В настоящее время, несмотря на наличие сформированной цели и духовного лидера, ИДУ представляет собой разрозненные ячейки, действующие во многих государствах (Россия, Казахстан, Узбекистан, Китай, Турция) и объединенные идеями радикального ислама в трактовке Тахира Юлдашева [14, с. 79]. Не располагая большим объемом экономических и политических ресурсов, ИДУ использует материально-техническую базу других организаций, в частности террористической организации «Исламское государство» [18], частью которой ИДУ провозгласило себя в 2014 г., а также тесно сотрудничает с иными террористическими организациями по вопросам боевой подготовки [3; 16, с. 183].

На территории России ИДУ существует в форме отдельных самостоятельных ячеек, организованных лицом, имеющим непосредственную связь с другими руководителями террористической организации. Основными задачами деятельности таких ячеек является финансирование терроризма и вовлечение иных лиц в участие в террористической деятельности, в частности деятельности «Исламского государства» в Сирии (2014–2017). Ввиду этого функционирование ячеек имеет специфические черты: во-первых, относительно небольшая численность участников – около десяти человек, под руководством организатора, как правило, выступающего в роли и духовного лидера; во-вторых, недолговременность деятельности, два-три года. После достижения результатов (отправки нескольких человек в Сирию) руководитель меняет место деятельности – наиболее отдаленное от предыдущего, чтобы усложнить правоохранительным органам выявление связи между ячейками. После переезда руководителя оставшиеся участники либо становятся «нейтральными» и возвращаются к прежнему образу жизни, либо примыкают к другим исламским радикальным объединениям.

Участниками ячеек становятся лица преимущественно узбекской национальности, проживающие на определенной территории. При этом стоит отметить, что зачастую только руководитель знает о противоправной деятельности ячейки, в то время как участники идентифицируют себя по принадлежности к религии ислам, а руководителя воспринимают как авторитетное лицо в вопросах вероучения. Они позиционируют себя мусульманами-суннитами, соблюдающими нормы и правила религии ислам. При этом цели и задачи деятельности им остаются неизвестны. Таким образом, свою деятельность, признаваемую правоохранительными органами противоправной, террористической, они оценивают как жизнедеятельность в рамках вероучения религии ислам. Вовлечение в деятельность организации осуществляется посредством исполнения ритуальных действий (чтение намаза), а также важную роль играют повседневные действия отдельных участников: индивидуальные (личные контакты, частные высказывания, организация быта) и коллективные (совместные приемы пищи, проживание в одном помещении) в рамках принятых в сообществе норм. Деятельность в ячейке, систематическое совместное выполнение характерных действий способствуют тому, что коллективная ментальность трансформирует обычный уклад жизни участника, образ поведения, включая в него новые действия (конспирация, просмотр специализированных материалов), дополняя мировоззрение новыми понятиями в соответствующей трактовке (кафир, такфир, джихад).

Собрания участников ИДУ проходят в арендованном жилом помещении (как правило, в частном доме), где хранятся материалы на печатных и электронных носителях, проводятся коллективные ритуальные действия (намаз) и происходит идеологическая обработка участников. Она имеет форму проповеди руководителем или авторитетным лицом, которое трактует джихад как вооруженную борьбу с неверными, раскрывает понятия «кафир» и «такфира». Ключевое значение имеет отсылка к высказываниям идеолога движения ИДУ Тахира Юлдашева. Обсуждения происходят, как правило, после совершения ритуального действия (намаза).

Важное место в порядке проведения собраний занимает совместное употребление пищи, а зачастую и совместное её приготовление. Обусловлено это продолжительностью собраний (от трех до шести и более часов), а также необходимостью формирования у участников представления о единстве группы, единой деятельности посредством создания дружеской, семейной атмосферы. Эти собрания, в том числе закупка продуктов и аренда жилого помещения, финансируются за счет частных пожертвований самих участников. Таким образом, поскольку члены ячейки квалифицируются как участники террористической организации, следовательно, их сборы на повседневные расходы рассматриваются как финансирование террористической деятельности.

Разговоры в группах ведутся на различные темы, в том числе террористической направленности – о джихаде, помощи братьям-мусульманам из незаконных вооруженных формирований.

На содержание и порядок проведения данных собраний оказывают влияние меры, предпринимаемые участниками для сокрытия своей деятельности от правоохранительных органов, установленные и контролируемые руководителем ячейки. Необходимость конспирации деятельности обосновывается в контексте внутренней политики государства, либо негативным отношением государства к мусульманам и выходцам из Средней Азии, либо необходимостью поддержания автономности от «кафирского» государства. Проявляются данные меры в согласовании лиц, приглашаемых на собрания, сокрытии радикальных трактовок положений религии ислам, использовании «закрытых» мобильных приложений, посещении местных мечетей официальных мусульманских организаций.

Заключение. Исламский радикализм представляет угрозу национальной безопасности России. Разработка мер противодействия проявлениям исламского радикализма осуществляется в России в рамках борьбы с экстремизмом и терроризмом. Основной проблемой становится конструирование наиболее продуктивной методологии.

Историческая антропология располагает методологическим аппаратом, который не связан с определенным подходом, а представляет собой совокупность различных методов, применяемых к определенным предметам исследования (методы истории ментальностей, истории повседневности, новой культурной истории, биографический метод). Методологический подход, основанный на методах исторической антропологии, позволяет выявить наиболее перспективные направления противодействия, сформулировать мотивы участников и установить распорядок дня, формат проведения собраний, а также особенности функционирования системы безопасности исламского радикального объединения, что может способствовать оптимизации мер выявления, предупреждения и пресечения противоправной деятельности исламских радикальных объединений, в частности террористической организации «Исламское движение Узбекистана».

Список литературы

1. Банникова Е. В. Повседневность как объект исторического исследования [Электронный ресурс] / Е. В. Банникова // *Соврем. исслед. соц. проблем : электрон.*

журн. – 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-kak-obekt-istoricheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 01.07. 2017).

2. *Бёрк П.* Историческая антропология и новая культурная история [Электронный ресурс] / П. Бёрк ; пер. с англ. яз. М. С. Неклюдовой // Новое лит. обозрение. – 2005. – № 75. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne5.html> (дата обращения: 01.07. 2017).

3. *Борбасова К. М.* Особенности идеологии исламского радикализма в Центральной Азии [Электронный ресурс] / К. М. Борбасова // Казахский национальный университет имени аль-Фараби : сайт. – URL: <http://pps.kaznu.kz/2/Main/FileShow2/17529/110/2/15/0/> (дата обращения: 10.07.2017).

4. *Гуревич А. Я.* Проблема ментальностей в современной историографии / А. Я. Гуревич // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. – М., 1989. – С. 75–89.

5. *Дингес М.* Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» / М. Дингес // Одиссей. Человек в истории. – М. : Наука, 2000. – С. 96–124.

6. *Добаев И. П.* Факторы политизации и радикализации ислама, становление современного терроризма в мире и в России / И. П. Добаев // Вопросы гармонизации межкультурных, межнациональных и межконфессиональных отношений : сб. ст. Международ. науч.-практ. конф. / Центр исслед. глоб. вопр. современности и регион. проблем «Кавказ. Мир. Развитие» ; Южный федер. ун-т, 2016. – С. 378–408.

7. *Дэвис Н. З.* Возвращение Мартена Герра / Н. З. Дэвис ; пер с англ. М. А. Барга. – М. : Прогресс, 1990. – 208 с.

8. *Карлсон Ю. В.* Методологические особенности исследования повседневности / Ю. В. Карлсон // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманит. науки. – 2010. – № 1. – С. 37–44.

9. *Кобозева З. М.* Антропология повседневного быта: макроистория из микроанализа / З. М. Кобозева // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 8. – С. 234–237.

10. *Куликов Д. В.* К вопросу о повседневности как культурной универсалии / Д. В. Куликов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2010. – Т. 2. № 3. – С. 112–118.

11. *Кузнецов А. А.* Новая суннитская идентичность как идеологическая основа для проявлений радикальных исламских движений / А. А. Кузнецов // Исламоведение. – 2016. – Т. 7. № 4. – С. 5–15.

12. *Ланда Р. Г.* Культурно-историческая почва исламского радикализма / Р. Г. Ланда // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2011. – № 6. – С. 28–40.

13. *Матвиенко Е. А.* Исламский радикализм как глобальная проблема современности / Е. А. Матвиенко // Вестн. Волгогр. акад. МВД России. – 2015. – № 4. – С. 179–185.

14. *Мирсайитов И.* Этапы развития и современное состояние «Исламского движения Узбекистана» / И. Мирсайитов // Россия и мусульм. мир. – 2007. – № 5. – С. 78–84.

15. *Пушкарева Н. Л.* Предмет и методы изучения истории повседневности / Н. Л. Пушкарева // Этнограф. обозр. – 2004. – № 5. – С. 3–19.

16. *Рахманов И. Р.* Внешние факторы развития и радикализации ислама в Центрально-Азиатском регионе / И. Р. Рахманов // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Сер. Обществ. науки. – 2011. – № 631. – С. 180–191.

17. Решение Верховного Суда РФ от 14 февр. 2003 г. № ГКПИ 03-116 [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Нац. антитеррорист. комитета. – URL: <https://web.archive.org/web/20160108040711/http://nac.gov.ru/content/3934.html> (дата обращения: 01.06. 2017).

18. Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального Антитеррористического комите-

та. – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-sudarf-t-29-dekabrya.html> (дата обращения: 01.06.2017).

19. Суций С. Я. Имитационное моделирование борьбы с экстремизмом на Северном Кавказе / С. Я. Суций, Г. А. Угольницкий, В. К. Дьяченко // Социология: методология, методы, мат. моделирование. – 2013. – № 37. – С. 126–150.

20. Цуркан А. А. Европа: исламский радикализм vs модернизация религии / А. А. Цуркан // Современ. Европа. – 2014. – № 2. – С. 131–142.

21. Шенкао М. А. Изучение ментальностей во французской школе «анналов» / М. А. Шенкао // Общество. Среда. Развитие. – 2001. – № 1. – С. 60–72.

22. Lebl S. L. Radical Islam in Europe / S. L. Lebl. – Orbis. – 2010. – Vol. 54, Issue 1. – P. 46–60.

23. Yosoff K. Islamic Radicalism in Malaysia: an overview / K. Yosoff. – Procedia Social and Behavioral Sciences. – 2010. – March 23, N 5. – P. 2326–2331.

Methodology of Historical Anthropology in the Study of Islamic Radicalism (the Case of the «Islamic Movement of Uzbekistan»)

T. V. Izluchenko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Abstract. Application of methods of historical anthropology for optimization of countermeasures against Islamic radical associations is justified in the article. The methodological peculiarity of tendencies of historical anthropology is indicated – the existence of various methods of studying a human and manifestations of his activities. This enables to construct a methodological approach, depending on the specifics of the subject and the objectives of the research of Islamic radicalism. The history of Everyday Life (by Natalia L. Pushkareva, Martin Dingens) and Microhistory (by Elena V. Bannikova, Dmitry V. Kulikov) contributes to reconstructing life activity, focusing on everyday life and motivations of ordinary participants. The history of mentalities (by Aron J. Gurevich, Georges Duby) gives some insight into mutual influence of the ethical and axiological attitudes of the community and standpoint of an individual participant. The model of the functioning of the «Islamic Movement of Uzbekistan» terrorist organization is used for testing a methodological approach based on the methods of historical anthropology.

Keywords: Islam, radicalism, historical anthropology, new cultural everyday life, the «Islamic Movement of Uzbekistan».

Излученко Татьяна Владимировна
кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра философии, Гуманитарный университет Сибирский федеральный университет 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, 79 тел.: 8(904)8914036 e-mail: izluchenko@mail.ru

Izluchenko Tatyana Vladimirovna
Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Philosophy Siberian Federal University 79, Svobodny av., Krasnoyarsk, 660041 tel.: 8(904)8914036 e-mail: izluchenko@mail.ru